

Золотая булавка Юлия Цезаря

Автор:

Наталья Александрова

Золотая булавка Юлия Цезаря

Наталья Николаевна Александрова

Артефакт-детектив

«И ты, Брут?» Одно из главных предательств в мировой истории имеет прямое отношение к этому сюжету, который начинается задолго до возвышения Цезаря, а заканчивается – и заканчивается ли? – в наши дни в обычной черноморской деревушке, куда предпочитают ездить не самые богатые российские туристы. Золотая фибула не просто скрепляла полы плаща – она укрепляла могущество Рима и служила процветанию империи. И вот теперь при загадочных обстоятельствах ей предстоит спасти Виту. Или это Вита должна спасти наследие Цезаря от очередного предательства?..

Наталья Александрова

Золотая булавка Юлия Цезаря

© Александрова Н.Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

– Вот ваш дом, – сказал таксист, – вон номер.

Вита протянула ему деньги, сказала, что сдача не нужна. Таксист проорал ей слова благодарности и пожелание счастливого отдыха на ужасающем английском. Они все здесь не говорят, а кричат, вопят и размахивают руками, как ветряные мельницы крыльями. Наверное, солнце так действует.

Солнце и правда палило нещадно. В аэропорту усатый таксист с непонятной гордостью сообщил Вите, что температура воздуха – сорок градусов в тени.

«Катастрофа!» – кричал он, брызгая слюной.

Вита не поняла, отчего он так радуется. Казалось, он считает жару своим личным достижением.

Она вышла из машины и с трудом вдохнула раскаленный воздух. Действительно адово пекло, только чертей не хватает. Говорят, в августе здесь так часто бывает, но нынешний год выдался жарким даже по здешним меркам.

Вита отворила кованую калитку и пошла по дорожке, выложенной голубой плиткой. Чемодан она катила за собой, как послушную собачонку. По бокам дорожки цвели кусты роз – темно-красных, белых, нежно-коралловых. Дальше виднелись деревья, увешанные апельсинами и лимонами.

Она прошла перголу с виноградной лозой, вьющейся по решетке. Стало прохладно, одуряющая жара осталась за оградой сада. Где-то тихонько шумела вода, пахло влажной зеленью, розами и еще чем-то пряным и экзотическим.

Как хорошо! Вита вдохнула полной грудью дивные запахи.

Дорожка уперлась в каменную стену, покрытую вьющимися растениями. На гладком камне в середине стены грелась на солнце изумрудная ящерица. Вита бросила чемодан и неслышно подошла к ней ближе.

«Если она не убежит, у меня все будет хорошо», – загадала она, хотя дала себе слово никогда больше этого не делать.

Нельзя ставить свою жизнь в зависимость от слепого случая, от примет и совпадений.

Ящерка застыла на месте. Затаив дыхание, Вита придвинулась к ней немного ближе. Потом сделала еще один шаг и еще. Она уже видела черный блестящий глаз и блестящие чешуйки на хвосте. Еще шаг, и она заметила свою тень на стене. Тень застыла вместе с ней, чтобы не спугнуть ящерицу.

Простояв так минут пять, она сообразила, что, если кто-то выйдет сейчас из дома, в его глазах она будет выглядеть странно: стоит посреди дорожки девица на одной ноге, еще и одета не по погоде – как выехала утром из дома в джинсах, так и парится в них в такую жару.

Вита немедленно встала на обе ноги и оглянулась по сторонам. Никто не смотрел на нее ни с улицы, ни из-за угла дома. Когда она повернулась, на стене уже не было изумрудной ящерицы. Вот и толкуй такой знак как хочешь.

Она решительно свернула вдоль стены и вышла к дому. Теперь, как писал Глеб, нужно обойти дом справа и подняться на террасу, а там уже и дверь.

Терраса была небольшой. «Не удивляйся, – писал Глеб, – зато она будет только наша, мы сможем там уютно завтракать на мягком утреннем солнце».

Сейчас было три часа дня. Солнце потихоньку уходило с террасы, пряталось за апельсиновым деревом. Вита медленно поднялась по нагретым ступеням, осторожно лавируя между цветочными горшками, которых здесь было множество. Под третьим от двери горшком должен лежать ключ.

Вита отсчитала третий горшок. В нем пышно цвело какое-то растение с огромными красно-белыми колокольцами. Постояв немного, чтобы унять колотившееся сердце, она наклонилась и пошарила за горшком. Ключа не было. Из ближайшего цветка вылетел шмель и с негодующим жужжанием устремился прочь. Вита отскочила и едва не свалила вазон. Он сдвинулся, к ее ногам выкатился ключ. Самый обычный ключ от дверного замка, с детской розовой резинкой вместо кольца. С ключом в руке Вита подошла к двери.

Все верно, номер квартиры тот же. Она все нашла правильно. Повернула ключ в замке, вошла и втащила чемодан.

Она оказалась прямо в жилой комнате. Да, здесь, на юге, люди не тратят жизненное пространство на бесполезную прихожую: тепло...

Комната, очевидно, была гостиной и кухней одновременно. Диван, два глубоких кресла, обитых мягким бежевым велюром, телевизор в углу. Сзади, за колонной, Вита разглядела электрическую плиту на две горелки, раковину и небольшой холодильник. У окна, выходящего на террасу, стояли стол и четыре стула, здесь они с Глебом будут обедать. Хотя что это она – обедать они будут в ресторане на берегу моря, причем каждый раз в другом, пока не обойдут все. Так он писал. Что ж, все так и будет.

«Я сделаю так, что этот отпуск мы запомним надолго, навсегда», – писал он.

Вита поверила, главным образом из-за этого «мы». Все так и будет, ее ждет чудесный, незабываемый отпуск, и вполне возможно, что после него они с Глебом не будут расставаться.

Вита тотчас призвала себя к порядку. Не нужно гнать лошадей и забегать вперед паровоза, пусть все пойдет своим чередом.

Она еще раз оглядела комнату. Из нее выходило две, нет, три двери, не считая входной. Спальня, ванная и еще какая-то дверь. Хорошо бы принять душ и переодеться во что-нибудь легкое, открытое. А купаться она пойдет позже, когда жара спадет, а то и до моря не дойти, можно расплавиться по дороге.

Так получилось, что Глеб приедет только завтра, раньше он никак не смог освободиться, поэтому у нее впереди почти сутки, чтобы привести себя в порядок и отдохнуть. Она все здесь разузнает, осмотрит окрестности, а потом будет ждать его. Нужно купить к ужину бутылку вина и чего-нибудь легкого.

Хотя зачем? Они, разумеется, пойдут в ресторан, в лучший, какой есть, чтобы отметить их встречу.

Специально для этого случая Вита взяла у Ленки нарядное открытое платье и босоножки на высоком каблуке. Один раз можно по камням и на каблуках пройти. Они обязательно будут танцевать, Глеб писал, что любит танцевать. И музыканты будут играть какое-то романтическое ретро, может быть, что-нибудь

латиноамериканское, и воздух будет напоен терпким ароматом ночных цветов, и море будет тихонько плескаться неподалеку, и крупные звезды будут смотреть на них с неба, и Млечный Путь будет хорошо виден...

Вита мечтательно вздохнула и улыбнулась.

И тут же вздрогнула, потому что услышала за одной из дверей характерный звук спускаемой воды.

– Глеб? – севшим голосом спросила Вита. До нее дошел юмор ситуации – впервые увидеть мужчину, так сказать, вживую, в реале выходящим из туалета.

Такое уж ее счастье. Вита улыбнулась, надеясь свести все к шутке, но тут дверь распахнулась, и на пороге появился неказистый тип невысокого роста.

Тип был совершенно рыжий и вдобавок весь в крупных веснушках. Еще он был абсолютно голым, если не считать длинных сползающих трусов в разноцветных попугаях. Очень много попугаев.

Увидев Виту, рыжий тип откинул челюсть и завис в таком положении. Улыбка медленно сползла с Витино лица. Неужели это и есть Глеб? Да нет же, он прислал ей множество фотографий, и она так долго их рассматривала, что выучила его лицо наизусть.

Глеб, конечно, не красавец, но у него очень хорошее лицо – вдумчивое, серьезное, выразительное. А этот... просто клоун какой-то! Но как он здесь очутился?

– Глеб? – все же спросила она неуверенно.

– Какой еще Глеб? – Тип опомнился и с лязгом хлопнул челюстью. – Вы вообще кто? Как сюда попали?

Она молча показала ему ключ.

– Вы хозяйка, что ли? – Он подтянул трусы и шмыгнул носом. – Анна?

У Виты мелькнула мысль, что все правильно. Глеб же писал ей, что снял эту квартиру по интернету, что хозяйка русская, замужем за сербом, зовут ее Анна. Она будет в отъезде, поэтому не сможет их встретить, а ключ оставит под третьим от двери цветочным горшком. Неделю проживания он оплатил тоже по интернету. Ничего особенного, в Черногории все так делают, у них вообще не воруют. А если и воруют, то редко.

Но кто тогда этот рыжий урод?

– Я не хозяйка, – сказала она, – я здесь буду жить. Эта квартира снята на неделю.

– Чего? – Он шагнул к ней ближе. – Здесь я живу.

«Все ясно, – сообразила Вита, – идиотская накладка. Не обязательно эта самая Анна мошенница и взяла деньги с обоих клиентов, просто произошла путаница. Да в интернете еще не то бывает!»

Но неприятный червячок уже поднял голову. Как-то все непонятно. Вита, конечно, этого червячка немедленно задавила и решила сосредоточиться на делах насущных. Если этот тип выгонит ее из дома, где она будет спать? Куда приткнется на сутки, пока не прилетит Глеб?

– Слушайте, я вам точно говорю, что мой друг договорился об этой квартире с хозяйкой. И заплатил за неделю начиная с сегодняшнего дня! Он прилетит завтра.

– Вот завтра и приходите, – склочным голосом сказал рыжий тип и снова шмыгнул носом.

– Нет, так дело не пойдет. – Вита представила, как она сидит на чемодане на улице, и уже темнеет, и ее обтекает толпа беззаботных отдыхающих. – Давайте все же разберемся. Ведь не с неба же я взяла этот адрес и ключ достала из третьего от двери цветочного горшка...

Пока она это говорила, в глазах рыжего типа что-то мелькнуло. Что-то подозрительное.

- А вы сами как договаривались насчет этой квартиры?

Судя по всему, он хозяйку тоже в глаза не видел, и это придавало ее голосу уверенности.

- По интернету, - нехотя бросил он.

- У вас есть ее координаты? Телефон, адрес? Вы можете с ней связаться?

- Не могу пока. С ней договаривалась моя... моя подруга. Она еще не прилетела.

- Ах вот как.

Ситуация Вите уже очень не нравилась.

Рыжий внезапно впал в неистовство, лицо его покрылось красными пятнами.

- Слушайте, что вы все спрашиваете? - заорал он, наступая на Виту. - Приперлась в дом и спрашивает, выведывает! Какое вам дело?

- А такое, что мне жить негде! - закричала Вита в ответ. - И нечего на меня наезжать, я имею такое же право находиться здесь, как и вы! Раз у вас нет никакого договора с хозяйкой, мы в равном положении. И вообще, я сейчас с Глебом свяжусь и все выясню!

Она сунулась в карман за телефоном, которого там не оказалось. Тогда она поискала в сумочке, но мобильного в кармашке не было. Неужели потеряла? Только этого ей не хватало! Мобильник был новый и дорогой, Вита купила его недавно и очень берегла. Проклятье, в этом аэропорту такое творилось!.. Неужели вытащили на паспортном контроле, в этой огромной очереди?..

Под насмешливым взглядом рыжего типа она торопливо вывалила содержимое сумочки на стол. Вот он, мобильник, конечно, завалился в самую глубину. Не успев обрадоваться по этому поводу, Вита тут же расстроилась: телефон был отключен и безнадежно сел.

- Надо же... - Она бросила его на стол.

Зарядка валялась где-то в чемодане, но пока еще она разберет вещи. Кажется, этот тип ей и разобрать ничего не позволит. Ишь как смотрит, готов укусить прямо!

Вита осознала, что ужасно устала. Спала плохо, как всегда перед дорогой, встала в шесть утра, чтобы успеть на самолет. В салоне за ней сидел ребенок, который сначала пинал ногами кресло, потом орал, требуя мороженого. Когда он наконец уснул, самолет уже заходил на посадку.

Нет, она просто не в состоянии куда-то сейчас тащиться! Нет у нее никаких сил. Да и некуда. Стало быть, нужно как-то наладить отношения с этим типом, чтобы он не выгнал ее из дома. Не драться же с ним, в самом деле.

Вита перешла комнату и села на диван.

- Как зовут вашу подругу? - спросила она миролюбиво.

- Это вас совершенно не касается, - снова ощетинился он.

- Я так просто, для разговора. - Вита взяла себя в руки, хотя это было непросто - хотелось запустить в этого хама чем-нибудь тяжелым, к примеру, вон той синей вазой с книжной полки.

Ваза была ужасно уродливой. И картина на стене оставляла желать лучшего. Картина изображала русалку на фоне моря. Она стояла по пояс в воде, так что не было видно хвоста, распущенные волосы напоминали пучок водорослей, из тех, что подают в японских ресторанах, рот широко раскрыт в отчаянном крике.

Очевидно, художник имел в виду, что этим криком русалка заманивает заблудившихся моряков. На месте моряков Вита предпочла бы быть съеденной акулами или попасть во чрево кита, чем приблизиться к такой уродине.

Ничего, завтра они с Глебом посмеются над этой русалкой. Непременно посмеются.

И снова поднял голову этот неприятный червячок. Да что там, целый дождевой червяк, розовый и длинный, противно извивался и просился наружу.

Вита терпеть не могла червяков. Не боялась ни пауков, ни мышей, а от червяков ее прямо трясло.

Она закрыла глаза и сосчитала до пяти, стараясь дышать глубоко и медленно. Помогло, червяк свернулся кольцом и затих. Вита открыла глаза и поглядела на рыжего типа в упор.

Да уж, хорош, нечего сказать, как говорят, отворотясь не наглядеться. Патлы рыжие, глазки маленькие, как у свиньи, весь в веснушках, еще и трусы в попугаях. Интересно: сам сказал, что ждет свою подругу, а расхаживает в таком виде. Если честно, трудно представить, чтобы какая-то женщина заинтересовалась этим типом. Хотя, может, она такая же, как он?.. Только ей, Вите, какое дело до них обоих? Ей только до завтра продержаться, а там все наладится.

Червяк снова было задвигался, но Вита живо представила, как она хватает большой камень и с размаху опускает на него. Червяк испугался и затих.

Рыжий тип переступил босыми ногами, наверное, ему стало холодно на кафельном полу. Да, и пренебрежительный взгляд Виты он очень правильно истолковал. Наконец дошло, что он стоит перед незнакомой дамой в одних трусах. Надо же, покраснел! Ничто человеческое и ему, оказывается, не чуждо.

– И все же когда должна прилететь ваша подруга? Я это к тому, что вы могли бы заранее предупредить ее о нашем... о нашем случае, чтобы не было потом никаких недоразумений.

Тип издал какой-то неопределенный звук, который счесть согласием она никак не могла.

– Как хотите, а я до завтра остаюсь здесь! – Она очень старалась, чтобы голос звучал спокойно и уверенно. – Посплю одну ночь вот на этом диване.

И перетащила чемодан поближе. Рыжий понял, что так просто от нее не отвяжется, и набычился. Вита расстегнула чемодан, чтобы достать полотенце и легкую одежду. Ужасно хотелось вымыться, переодеться, привести себя в порядок.

– Здесь две спальни, – наконец выдавил рыжий. Видно было, что эти слова дались ему с трудом.

– Прекрасно! – обрадовалась Вита и решила не уточнять, какого же тогда лешего этот тип орал и возмущался. Боялся, что его подруга застанет его с незнакомой женщиной? Может, она очень ревнивая? Хотя Вита, честно, не может представить, кому такое чучело может понадобиться. Одни трусы с попугаями чего стоят!

Она повесила сумку на локоть, другой рукой схватилась за ручку чемодана (смотреть надо за вещами, когдаходишь в незнакомое помещение, кто его знает, этого рыжего, может, он на руку нечист) и сунулась в ближнюю дверь.

– Да не туда! – с досадой крикнул рыжий, но она уже успела увидеть небольшую комнатку, которую целиком занимала двуспальная кровать. Разумеется, кровать была разобрана, и мятые простыни валялись комом – это в три-то часа дня! Еще она заметила на тумбочке возле кровати включенный ноутбук. – Вам не сюда! – Рыжий плечом отпихнул ее и проскочил в комнату, но споткнулся о чемодан и с размаху плюхнулся на кровать. – Что вы претесь, куда не просят! – заорал он.

– Да больно надо, – разозлилась Вита. – А если у вас компьютер включен, свяжитесь со своей приятельницей и спросите, что за безобразие творится. Пускай координаты хозяйки даст, нужно же разобраться!

– Я не могу, что-то с интернетом творится. – Рыжий отвел глаза.

«Сама разберусь», – подумала Вита, втаскивая чемодан в соседнюю дверь. Уверенности, правда, у нее не было.

Эта комнатка была еще меньше, чем та, в которой обосновался рыжий грубиян. Кровать здесь стояла односпальная, и коврик над ней висел с Микки Маусом. Значит, детская.

Белье на кровати было свежее, одеяло в зайчиках и медвежатах. И ладно, главное – чисто.

Вита быстро разобрала чемодан и проскользнула в ванную.

После душа она проверила подзарядившийся телефон. Он поприветствовал ее с прибытием в Черногорию, но электронная почта не работала, видно, действительно что-то с интернетом. Вита надела легкий сарафанчик и шлепки, намазала шею и плечи кремом и постучала в дверь к рыжему.

– Я ухожу, но вернусь.

В эту минуту до нее дошло, что она может вернуться, что называется, к разбитому корыту. Ничто не помешает этому типу прихватить ее паспорт и деньги и смыться. И ключи унесет, тогда она точно будет ночевать на берегу под шезлонгами.

– Знаете что, раз уж мы живем под одной крышей, давайте познакомимся, – сказала Вита твердо. – Вот, поглядите на мой паспорт. И свой покажите.

– С чего это вдруг? – завелся он. – Я не собираюсь поддерживать с вами знакомство!

Вита поглядела на него очень выразительно. Под ее пристальным взглядом до него, наконец, дошло, что ее бы воля – она бы с ним и двух слов не сказала, и паспорт она хочет увидеть исключительно из соображений безопасности.

Он снова покраснел – не только щеки, но лоб, подбородок и даже шея. Надо же, все-таки что-то соображает, хоть по виду и полный кретин. Нехотя протянул ей паспорт, который достал из кармана рюкзака, причем в руки не дал.

– Саврасов, – прочла она, – Фил... – дальше палец с рыжими волосками зажимал слово, – Аркадьевич.

Далее следовал год рождения, из чего Вита поняла, что ему тридцать три года.

– Прочитала? – Он быстро закрыл паспорт и убрал его в карман рубашки.

Затем взял ее паспорт и внимательно его пролистал. Посмотрел на нее с непонятым выражением.

– Виталия, – протянул он, – что это за имя?

– Родители хотели мальчика, – привычно объяснила Вита, – назвать собирались Виталием, в честь дедушки, а получилась я. Вот они и решили так меня записать.

Она тут же рассердилась на себя – зачем выбалтывает этому неприятному типу такие личные подробности? Хорошо еще, не сказала, что дедушку своего она в глаза не видела, потому что родители развелись, когда ей было полтора года. И волосы с детства у нее росли плохо, мама как-то в порыве откровенности призналась, что боялась, мол, ребенок так и останется лысым, и дура-воспитательница в детском саду каждый день вопрошала громко: «Кто это к нам пришел? Виталик – девочка или мальчик?»

Это она так шутила. У людей бывает разное чувство юмора. Не пропустила ни одного дня, даже когда волосы у Виты выросли и мама стала ей завязывать два хвостика.

Вита очнулась от этих неприятных воспоминаний, и когда он собрался отдать ей паспорт, ловко выхватила у него из кармана рубашки его документ.

– Значит, вы Саврасов Филимон Аркадьевич. Ой, ну и имечко!

– А сама-то, – он сердито глянул исподлобья, – тоже мне, Виталия.

Это было верно.

«Хороша парочка – гусь да гагарочка, Филимон и Виталия», – усмехнулась она про себя. И снова рассердилась: не хочет она иметь с этим типом ничего общего, не пара они вовсе.

Он вырвал свой паспорт у нее из рук.

– Слушайте, вам художник Саврасов не родственник? – спросила Вита, чтобы оставить за собой последнее слово. – «Поздняя осень, грачи улетели»... Или прилетели?

Он не ответил, только зыркнул на нее злобно.

Вита развернулась на пятках и пошла прочь, сунув в сумку ключ. Вдруг этому рыжему вздумается уйти, тогда она и в квартиру не попадет. Филимон, надо же. Вот так имечко.

На набережной было пусто: жара, все отдыхают после обеда. Понятно, сиеста, как во всех жарких странах.

Вита нашла кафе со столиками под огромным раскидистым деревом. В тени этого дерева было прохладно, разгоряченное тело обдувал легкий ветерок. Внизу, достаточно близко, лениво шевелились волны, им тоже было жарко. Вид на бухту отсюда был изумительный: по бирюзовой глади воды разбросаны яхты. Хотелось вставить этот вид в раму и повесить на стенку.

Вита заказала воды с лимоном и большой сэндвич, а потом кофе. В ожидании заказа снова взялась за мобильник. Сначала проверила эсэмэски. Одна от Ленки: как долетела и все ли в порядке. Ленка небось умирает от любопытства, с чего бы иначе такая забота? От Глеба ничего.

Вита попросила у подошедшего официанта пароль для выхода в интернет, он пробурчал что-то и убежал. С интернетом ничего не получалось, видно, такой неудачный день.

Официант куда-то запропастился. Сэндвич выглядел очень аппетитно, вода была холодной, столик стоял очень удачно, в тени. Вита решила отдохнуть и поесть, проблемами она займется потом.

Пока она пила кофе, за соседним столиком обосновалась русская семья с двумя детьми. Отец семейства любезно сообщил Вите правильный пароль, она вышла, наконец, в интернет и проверила почту. От Глеба ничего не было.

Очевидно, еще не дошло. Но червяк в который раз поднял голову и зашевелился.

Вита написала Глебу большое подробное письмо. Описала ситуацию с квартирой и нелюбезного рыжего по имени Филимон, постаралась изобразить его с

юмором, прибавила, что с нетерпением ждет его приезда, потому что здесь очень хорошо, но одной скучно. Она сама удивилась, до чего сдержанным вышло письмо. Хотела отправить, но не нашла адрес Глеба в адресной книге.

Сердце нехорошо екнуло, когда она еще раз проверила почту. Что за странная история? Писем Глеба не было, ни единого. Ни самых последних, ни ранних. Все же они переписывались почти полгода... Исчезли все письма, все прикрепленные файлы с фотографиями – абсолютно все.

– Этого не может быть! – сказала Вита и почувствовала, что ей стало трудно дышать.

Какой там червяк, теперь внутри нее сидела огромная пупырчатая жаба и давила на сердце и легкие. Сэндвич неудержимо запросился наружу. Вита выпила воды и с трудом отдышалась.

Ладно, в конце концов, ничего не случилось. Наверное, что-то с почтой. Бывает же, что письма пропадают. Нужно отправить Глебу эсэмэску.

Дрожащими руками она прикасалась к клавиатуре мобильного, но буквы все время выходили не те. Наконец мука закончилась. Вита расплатилась и пошла по набережной. Жара потихоньку спадала, люди потянулись на пляж. Вита долго смотрела на море, облокотившись на каменный парапет, потом проверила мобильник. Ее сообщение вернулось с пометкой, что адресат не существует.

Что ж, мысленно она уже была к этому готова. Тем не менее она набрала номер Глеба, надеясь в душе, что сейчас услышит его голос. Сухой женский голос ответил, что набранный ею номер не обслуживается.

Так. Вот теперь все ясно.

Ее горькие раздумья прервала цыганка – подошла, залопотала что-то по-своему, протянула грязную руку. И здесь от них никуда не деться!

Вита отмахнулась и спустилась к пляжу. Взяла лежак, поставила зонтик так, чтобы не видеть немногочисленных пока отдыхающих, и улеглась, отвернув лицо. Ей казалось, что иначе все сразу поймут, какая она дура.

Итак, ее обманули. Напарили, как выражается Ленка. Прокатили. Продинамили. Русский язык удивительно богат синонимами этого слова, но суть от этого не меняется.

Собственно говоря, такие случаи бывают, она сама о чем-то таком слышала. Роман с Глебом у них был виртуальный, а если честно, никакого романа и не было. Была долгая переписка, причем письма его были далеко не простыми. Вите было интересно, она вовсе не старалась произвести на него впечатление. Потихоньку выяснилось, что у них много общего.

Месяца через три Вита осознала, что с нетерпением ждет вечера. Его письма приходили не каждый день, но она все равно ждала. Он обмолвился о нескорой встрече, и это, несомненно, говорило в его пользу. Иногда они разговаривали по телефону.

Что касается скайпа, он сразу предупредил, что его не будет, какие-то там у него технические неполадки. Он даже что-то объяснил, но она ничего тогда не поняла, только плечами пожала: не хочет человек и не надо.

Ей так нравилось писать ему письма, обсуждать с ним книги и фильмы. По взаимному договору они не касались личных тем – где живут и с кем, где работают. Он присылал ей фотографии тех мест, где бывал по делам или на отдыхе. На этих фото Вита и увидела его. Попросила прислать более подробные снимки. Ей понравилось его лицо – серьезное, спокойное. На душе сразу полегчало. Да, познакомились по интернету, а что такого?

Она никому не рассказывала об их дружбе, но Ленке со временем удалось вытащить из нее кое-какие подробности. Спротивляться Ленке невозможно: если она что-то вбила себе в голову, добьется своего при любой погоде. Тогда в ее голове как раз сидела мысль, что Вите обязательно нужно кого-то найти.

Ленка была твердо убеждена, что женщине обязательно нужен секс. Для здоровья, для внешности, для тонуса. А поскольку секс с первым встречным Вита категорически отвергала, Ленка пыталась найти ей постоянного партнера. Хотя это – так она считала – только лишняя головная боль.

У самой Ленки все было организовано, по ее собственным словам, с умом и с тонким расчетом. Знакомых мужчин у нее было несколько, и за каждым была

закреплена определенная роль.

С одним она ездила в командировки, этот был из ее коллег. С другим – отдыхать, он обеспеченный и не жадный, к тому же аккуратный в быту, жена приучила.

Еще один работал у Ленки палочкой-выручалочкой на случай, когда планы на вечер неожиданно срываются, а она уже настроилась на непрехотливый секс. Этот, программист-фрилансер, всегда сидел дома и был счастлив видеть Ленку, которая являлась с пиццей наперевес. Не очень понятно, кому он в такие минуты радовался больше – Ленке или пицце.

Еще с одним приятелем она по субботам оттягивалась в ночном клубе. Домой они возвращались под утро и все воскресенье проводили в постели.

Таким образом, ее сексуальная жизнь была упорядочена, и Ленка порядком этим очень гордилась. Еще и обижалась на Виту, когда та корила ее за неразборчивость.

«Кто говорит, что я прыгаю в постель к первому встречному? – возмущалась она. – Все мужики у меня знакомые, проверенные, каждого я давно знаю».

Поскольку Ленкин вариант Вита категорически отвергала (подруга была убеждена, что из-за глупости и ослиного упрямства), та пыталась познакомиться ее с кем-то, но безуспешно. Роман в интернете она забраквала сразу по той причине, что там все козлы. Вита только отмахивалась, говоря, что ничем не рискует. Ничего Глеб у нее не просит, ничего не выспрашивает.

Он сам первым заговорил о настоящей встрече, и Вита даже не знала, радоваться ей или нет. Она очень дорожила их перепиской, не хотелось терять такого друга. Но Глеб все чаще упоминал о встрече, писал, что нужно обязательно увидеться, что они уже переросли обычный обмен новостями. И вот что придумал.

Они встретятся на нейтральной, так сказать, территории, у моря. Это замечательное место: Черногория, берег Адриатики, точнее, очень красивого залива. Он там уже бывал и всю организацию поездки взял на себя. Пообещал, что оплатит квартиру, Вите оставалось только купить билет на самолет.

Конечно, она согласилась. Ленка, понятно, скривилась, но крыть ей было нечем.

И Вита решилась. Еще бы, ведь он так красочно описывал этот город у моря, так упоительно рассказывал, как они проведут здесь целую неделю!

В общем, она повелась на его красивые слова. Говорила ведь ей Ленка, что ничего хорошего не выйдет из знакомства в интернете, что там каждый врет о себе как дышит. Да Вита и сама это прекрасно знала. Но она ведь тоже не полная дура, все-таки полгода с человеком переписывалась – можно как-то узнать...

Оказалось, нельзя. Только зачем тогда такие сложности? Надоела ему переписка, так бросил бы ее просто, без лишних слов. Надо же, на море вызывал...

А может, у него такие развлечения, такие ролевые игры? Может, у него таких дурочек, как Вита, штук десять. И он каждой пишет все, что она хочет, подстраивается, подбирает психологический подход. Фотографии рассматривает, сравнивает, а потом выбирает: которая больше понравится, с той и полетит отдыхать.

А может, вообще ни с кем никуда не летает, сидит дома с толстой женой в несвежем халате и выводком крикливых детей. Так и развлекается, не выходя из дома.

Давно все уже об этом знают, рассказывали Вите о таком не раз, а ей казалось, что уж обычного вруна она сразу вычислит по письмам. Но ведь и правда, Глеб писал очень хорошие, глубокие письма, не просто ерунду всякую.

Это же сколько времени нужно потратить, сколько сил!.. Душу вложить. И такой талант тратить на то, чтобы обманывать доверчивых девиц в интернете! Нет, верно говорят, что чужая душа – потемки.

Вита почувствовала, что больше не может в сотый раз прокручивать в голове эти мысли, и пошла купаться. Долго плавала в теплой воде, потом лежала на полотенце, обсыхала. Потом снова плавала.

В море ей стало гораздо легче, как будто соленая вода обмыла не только тело, но и ее истерзанную душу.

К вечеру, когда солнце уже садилось за гору, Вита почти успокоилась. Ладно, ее обманули, но не она первая и не она последняя. После того, что случилось с ней три года назад, она мужчинам вообще не верит. А Глеб ей не муж и не любовник, просто знакомый, да и тот виртуальный.

Все пройдет. Она прилетела на море, место здесь и правда чудесное, в этом он не соврал. Бывал здесь, наверное, раньше. Улететь она не может – билет с фиксированной датой, рейс чартерный. С работы отпросилась на неделю, если она даже появится раньше, все будут спрашивать, что случилось. А уж Ленка попляшет на ее косточках вовсю.

Нет, все же интересно, зачем он ее вызвал сюда, на море. Посмеяться хотел, пошутить? Но раз уж она здесь, нужно дожить эту неделю, все равно домой не улететь.

Приняв такое решение, Вита успокоилась. Она так устала, что переживать больше просто не было сил. День сегодня был ужасно длинным: очередь перед регистрацией, паспортный контроль, потом перелет, а еще она много плавала...

По дороге она купила половину пиццы, своей любимой – «Четыре сыра». Чайник в квартире есть, это она успела заметить, а пакетики у нее с собой. Глеб предупредил, что местные пьют только кофе, так что чай в магазине не купишь.

Заботливый какой. Вите захотелось выругаться неприличным словом. Ленка, та да, не стеснялась в выражениях, могла сказать все как есть, а Вита этим никогда не грешила. А теперь вот других слов не подобрать.

Только подходя к дому, она сообразила, что Глеб вполне мог втравить ее в какую-то историю с квартирой. В самом деле, он писал, что оплатил жилье на неделю, но как теперь ему верить? Вдруг получится так, что вернется хозяйка и скажет, что Вита вселилась самовольно и денег она никаких не получала? А ей и расплатиться нечем. Интересно, сколько хозяйка заломит за жилье в августе, в разгар сезона?..

Нужно поговорить с этим рыжим, как его, Филимоном. Господи, ну и имечко!

В квартире было тихо. Никаких новых чемоданов, никакой женской обуви у двери, никакого запаха духов, кроме ее собственных. Словом, ни единого следа присутствия незнакомой женщины. На столе валялась коробка из-под пиццы и стояла пустая чашка, от которой пахло кофе. Чашка была одна, стало быть, подруга этого рыжего все еще не приехала.

А вот интересно, для чего он притащился так рано, за два дня до нее? Билетов, что ли, не было?

Эта история напоминала ее собственную. Вот точно так же они с Глебом договорились встретиться здесь, у моря, так же летели отдельно, даже в разные дни. Спросить, что ли? Как бы снова на хамство не нарваться. Ладно, так или иначе, все равно нужно прояснить вопрос с квартирой.

Из-под двери в спальню пробивалась узкая полоска света. Вита постучала тихонько. Тишина. Спит он, что ли, со светом? Она постучала громче.

– Филимон, можно войти? Мне нужно с вами поговорить. Очень нужно!

– Что еще? – Он стоял на пороге и перегораживал ей проход.

Сейчас на нем были светлые брюки и мятая рубашка. Побрился, волосы пригладил. Разумеется, это ему нисколько не помогло, но все же факт наличия брюк о чем-то говорил.

«Ждет свою девушку», – догадалась Вита.

– Я хотела спросить, – нерешительно начала она, – вы поедете встречать вашу подругу?

Глаза его полыхнули зеленым светом, как у разъяренного тигра.

– Какое тебе дело? – рявкнул он. – Не лезь куда не просят! Оставь меня в покое!

– Прекратите хамить! – рассердилась она. – Я не из любопытства спрашиваю, мне нужно выяснить ситуацию с квартирой. Кто ее оплатил, вы?

Он промолчал. Ясно, платил не он. Если бы он, непременно сказал бы, чтобы поставить ее на место. И если бы платил он, знал хотя бы номер счета, на который перевел деньги.

Он сделал шаг вперед, чтобы оттеснить ее от двери, и в образовавшейся щели Вита увидела экран компьютера, а на нем – сегодняшний список рейсов местного аэропорта. Ни в одной строчке не было пометки «задерживается», все прибывали по расписанию.

– Она не прилетела, – догадалась Вита. – Она не прилетела и не отвечает на ваши сообщения...

– Чего тебе нужно? – с тоской сказал он. – Что ты навязалась на мою голову? А может, ты с ней сговорилась? Может, ты вместо нее? Может, у вас так принято? Завлекла мужика, а потом прислала подружку – на тебе, боже, что нам негоже? Так ничего тебе здесь не обломится, знай!

– Что-о? – От изумления Вита даже не рассердилась. – Да ты что себе вообразил? Что я на тебя виды имею? Ты в зеркало-то на себя хоть иногда смотришь? Тоже мне, герой-любовник!..

– А что ты тогда все время ко мне цепляешься? – набылся он. – Что ты лезешь?

– Да я с тобой и двух слов не скажу! – в сердцах бросила Вита. – Нужны мне такие грубияны и грязнули, как ты. Тоже мне, сокровище. Только и умеешь, что помойку после себя оставлять. И руки после туалета не моешь!

Он вдруг сильно толкнул ее в грудь, так что Вита отлетела метра на три. Хорошо, что подвернулся мягкий диван.

Когда она вскочила, он уже захлопнул дверь. Вита запустила в эту дверь коробкой от пиццы. Остатки томатного соуса растеклись по полу кровавым узором.

Вита заснула, стоило ей опустить голову на подушку, но спала тяжело. Ей снился кошмар, который часто преследовал ее в последние годы.

Вот она стоит в каменном подвале, одновременно сыром и душном. И вдруг – о ужас! – потолок этого подвала начинает опускаться на нее. Многотонная громада все ниже, она ползет медленно и неотвратно. Еще немного, и каменный свод раздавит, расплющит ее...

Вита вскрикнула и проснулась.

В комнате было жарко: перед сном она забыла открыть окно. Сейчас в это окно заглядывал огромный бледно-желтый диск луны.

Вита встала, распахнула окно и пустила в комнату ночную свежесть, запахи сада и стрекот цикад.

Она снова легла с мыслью, что больше не уснет, но тут же заснула и на этот раз спала крепко, без сновидений.

Проснулась она, когда солнце уже вовсю заливало террасу. Полной грудью она вдохнула свежий утренний воздух.

Пахло божественно – цветами и влажной листвой. На море, наверное, сейчас хорошо, не жарко. По дороге в ванную краем глаза она успела заметить, что в гостиной все осталось по-прежнему.

Дверь в спальню Филимона закрыта, на двери видны засохшие разводы томатного соуса. Грязных чашек на столе уже три. Это не значит, что Филимон принимал гостей, сообразила Вита, просто ему лень мыть посуду, и он каждый раз берет чистую чашку. Нет, решительно этот рыжий неряха не вызывал у нее симпатии. А если вспомнить, как он вчера ее толкнул...

Хорошо еще, что на диван упала, а то ведь и сломать себе что-нибудь могла. Вот это был бы отпуск!

Вита представила, как она сидит на террасе с ногой в гипсе, и заскрипела зубами. Нет, этот рыжий просто псих какой-то. Ничего не скажешь, повезло с соседом.

Она решила позавтракать по дороге на пляж, чтобы не сталкиваться на кухне с этим ненормальным. Похоже, он вообще из дома не выходит, только за пиццей. Для чего тогда на море лететь, сидел бы дома. Ах да, он же подругу ждал...

При мысли, что этого хама обманули так же, как и ее, Вите стало легче.

Кофе она пила прямо на пляже. Его принес официант из соседнего кафе, красивый загорелый парень с ослепительной улыбкой. Потом Вита купалась и доплыла до самых буйков. Потом разговорилась с одной женщиной – та попросила ее присмотреть за вещами и заодно рассказала, как можно проехать вдоль всей бухты на автобусе.

На той стороне залива очень красивые виллы и церкви, их стоит посмотреть.

Вита решила последовать ее совету – отдыхать так отдыхать. И пускай этот Филимон стережет квартиру, хоть какая-то польза от него будет.

Сегодня по небу бродили редкие облака, вчерашней удушающей жары не было, так что поездка на катере обещала не слишком утомить.

Вита забежала домой переодеться. Филимон что-то жарил в кухонном закутке – по всей гостиной распространился удушливый чад. Вита ощутила к нему самую настоящую ненависть. Хорошо бы подкрасться сейчас со спины и жахнуть по голове вон той табуреткой. Она с сожалением отказалась от этой соблазнительной идеи: самой же потом придется оказывать ему первую помощь.

Церкви и правда оказались замечательными. Одна стояла на невысоком пригорке в глубине сада, который хотелось назвать райским, до того там было хорошо. И на деревьях, как в райском саду, здесь висели большие красивые яблоки. Другая – совсем крошечная, у самого моря, так что волны подступали к ступенькам. Еще одна – огромная, с высоким круглым куполом и широкой раздвоенной лестницей, которая спускалась по склону, словно заботливо обнимала его мраморными руками. На огромной террасе были расставлены мраморные статуи. Такая церковь уместна была бы в Риме или еще в каком-нибудь большом итальянском городе, но никак не в скромной черногорской деревушке.

Церковь была закрыта. Вита поднялась по мраморной лестнице, рассмотрела все статуи и барельефы, затем нехотя двинулась к автобусной остановке. Если верить расписанию, ждать автобуса еще час. На той стороне улицы виднелись какие-то дома с вывесками, возможно, там найдется кафе.

Вита перешла через дорогу и оказалась перед распахнутой дверью. В темноте смутно угадывались очертания каких-то предметов. Вита шагнула вперед, в эту темноту, – и оказалась в пещере Аладдина.

Говоря по правде, это была всего-навсего антикварная лавка. Но совсем не такая, какие она видела в Петербурге.

В ее родном городе антикварные магазины обычно выглядят как роскошные салоны, где мебель карельской березы и красного дерева расставлена с расточительной свободой, где мейсенский фарфор словно ждет великосветского приема, а вальяжный продавец, похожий на наследника небольшого королевства, свысока поглядывает на покупателей. Встречаются еще захудалые подвальчики, где потертые оловянные солдатики стоят на одной полке с треснутой керосиновой лампой, чашками, отбившимися от большого сервиза, и выцветшей трубой от граммофона, а простуженный продавец с подозрительно бегающими глазками удивленно смотрит на случайного посетителя.

В этом магазине не было ни ампирного лоска, ни жалкой нищеты лавки старьевщика.

Первое, что приходило здесь в голову, – та самая пещера Аладдина, полная сомнительных, пусть даже фальшивых, но завораживающих сокровищ. Самое главное – всего здесь было много, головокружительно много!

Сотни бронзовых светильников, сотни хрустальных лампад, сотни канделябров и подсвечников, сотни шкатулок и ларцов – деревянных, черепаховых, перламутровых и бог знает каких еще. Груды деревянных и фарфоровых статуэток, россыпи граненых флаконов, горы ожерелий и браслетов, зеркала настольные, настенные и ручные, расписные тарелки на любой вкус...

Все здесь было не тем, чем казалось, или казалось не тем, чем было: медь прикидывалась золотом, стекло – хрусталем, а хрустальные побрякушки – бриллиантами.

В лавке было полутемно, и из этой таинственной полутьмы на Виту уставилась какая-то морда с кривыми клыками и безумными вытаращенными глазами. Она испуганно попятилась, но тут же сообразила, что это всего лишь маска. Карнавальная маска из папье-маше, голова какого-то клыкастого монстра.

В эту самую минуту под потолком, вернее, под сводом пещеры вспыхнул свет и заставил еще ярче засверкать все это поддельное великолепие. В проходе между стеллажами и полками появился красивый загорелый мужчина лет пятидесяти в белоснежной рубашке.

– Добрый день! Изволите?

Вита уже привыкла здесь к этому слову, которое у нас звучит странно, как будто унижая того, кто его произносит, а в этой благодушной солнечной стране не означает ничего, кроме привычного нам «пожалуйста».

– Да так, посмотреть зашла, полюбоваться, – пробормотала Вита смущенно.

– Смотрите, – заулыбался продавец, хозяин сокровищ. – Смотрите, здесь есть на что посмотреть! Вот это, и это тоже, и это...

Он открывал перед ней шкатулки и коробки, содержимое которых загадочно сверкало и переливалось в полутьме всеми цветами радуги. Придвинул ящик с флаконами синего, изумрудно-зеленого и рубинового стекла. Вита взяла один флакон в руки, отвинтила притертую пробку, вдохнула. Флакон хранил аромат июльского полдня, нагретой солнцем травы, полевых цветов. Открыла другой – и уловила едва ощутимый запах дикой розы.

А хозяин уже перешел к следующему ящику, поменьше, где грудой были насыпаны самые разные монеты – медные, бронзовые, серебряные, истертые тысячами рук, покрытые зеленоватой патиной или тускло-рыжей ржавчиной, с едва различимыми профилями давно умерших и забытых владык, с надписями на живых и мертвых языках.

И еще один ящик – с пуговицами и застежками из металла и слоновой кости.

Вита запустила руку в этот ящик, и в ладонь сама легла овальная застёжка из бронзы с отчеканенной львиной мордой. Нет, не львиной, это была морда какого-то сказочного зверя, свирепого, с огромными челюстями.

– Вот это, – проговорила Вита неожиданно для себя самой. – Я хочу купить это.

– Можно, – благодушно проговорил хозяин и произнес какое-то непонятное слово.

– Что? – удивленно переспросила Вита.

– Закалывать, – перевел он на русский и показал: взял из другого ящика цветастый шелковый платок, накинул Вите на плечи и заколол его бронзовой застёжкой.

– Вот так! – проговорил довольно. – Десять евро.

Вита протянула ему купюру, хотела отдать платок, но хозяин покачал головой:

– Не надо, то есть подарок! Носи так, хорошо! Так очень идет!

Выходя, Вита погляделась в старинное мутноватое зеркало. И правда хорошо.

Какая-то женщина средних лет рылась в коробке с бижутерией.

– Не покупайте эту заколку, – проговорила она вполголоса. – Это старинная вещь, у вас будут неприятности при выезде из страны. Такие редкости нельзя отсюда вывозить.

Хоть женщина и говорила вполголоса, хозяин лавки ее услышал и что-то сердито возразил по-сербски. Потом повернулся к Вите:

– Не слушайте ее, то неправда! Заколка не старая, ее можно везти, никто ничего не скажет!

Незнакомка зло взглянула на него, хотела продолжить спор, но хозяин снова что-то сказал по-сербски, и женщину словно ветром сдуло.

– Не сомневайся, то можно везти куда угодно! – повторил хозяин с широкой улыбкой.

Правда, на этот раз его улыбка показалась Вите какой-то неискренней.

Может быть, женщина сказала правду и эту застежку у нее отберут на границе? С другой стороны, не может быть, чтобы настоящая редкая вещь стоила всего десять евро. Вита еще раз взглянула на себя в зеркало – красиво! Наверное, вредная тетка сказала это из зависти – позавидовала ее молодости, свежести, привлекательности. Бывают же такие люди, которых хлебом не корми, только бы сказать кому-то гадость и испортить настроение.

Вита подумала, что не поддастся, не позволит какой-то вредной тетке испортить себе день.

Заколка красивая, платок ей идет – этого с нее хватит, об остальном она подумает позже. Если вообще подумает – здесь ни о чем думать не хотелось.

На остановке появились люди, стало быть, автобус скоро будет. Мягкий шелк приятно охлаждал плечи, слегка уставшие от солнца. Застежка нисколько не мешала, ее тяжесть казалось привычной, как будто Вита носила ее всегда.

Возвращаясь домой в сумерках, Вита вспомнила о Глебе, и горькая улыбка снова скривила губы. Нет, это надо же так попасться! Это она-то, которая была уверена, что ее теперь ничем не проймешь, что у нее панцирь, как у черепахи. Ладно, дожить здесь несколько дней и забыть, как страшный сон, весь этот эпистолярный роман. Слава богу, хватило ума не говорить на работе, что едет отдыхать с мужчиной. А с Ленкой она как-нибудь разберется.

Кстати, от Ленки за это время пришли еще две эсэмэски. «Как дела? Встретила своего? Как он тебе?»

Ага, как в старинном романсе: «Мы странно встретились и странно разошлись».

Вита написала в ответ, что все в порядке, погода превосходная, подробности при встрече. Пускай подружка думает, что она здесь зажигает по полной.

Дома никого не было, очевидно, Филимон все же иногда выходил прогуляться. Или еда закончилась.

Двое подошли к увитым глицинией воротам сада и остановились.

Переглянулись, толкнули калитку и вошли внутрь.

В саду царила прохлада. Гранатовое дерево покрыто багряными цветами, как свежими ранами, вокруг этих цветов с громким жужжанием роились пчелы. Апельсиновые и лимонные деревья источали нежный аромат. За кустами коралловых роз мелодично журчал ручеек.

Двое шли по извилистой дорожке, не оглядываясь: их не интересовали деревья и цветы.

Один из них, тот, что постарше, был высоким и широкоплечим, его лицо украшали обвислые седоватые усы. Второй был ниже, моложе и плотнее.

Дорожка привела их к большому двухэтажному дому из белого камня. На мощеной террасе перед домом стояли круглый столик и несколько садовых кресел.

В одном из кресел сидел немолодой человек с лицом, покрытым шрамами, и странными, удивительно светлыми глазами.

– Наше почтение, – проговорил вислоусый и покосился на одно из кресел, но сесть не решился.

Его спутник пробормотал что-то нечленораздельное и спрятался за спиной напарника, подальше от белых глаз хозяина.

– Можете сесть. – Тот кивком указал гостям на плетеные кресла. – Хотите выпить?

– Нет, это ни к чему, – проговорил вислоусый, но напарник его облизал губы и пробормотал:

– А я не откажусь.

Хозяин поднял глиняный кувшин, налил в стаканы темно-красное вино, пододвинул гостям:

– Пейте, это вино из моего виноградника. Вряд ли где-то еще вы попробуете такое.

Вислоусый пригубил вино и отставил стакан. Его спутник жадно выпил все до капли.

Хозяин немного подождал и, наконец, заговорил:

– Она появилась. Ее не было очень долго, я уже думал, что она пропала навсегда, но вчера она появилась. Видимо, так было угодно звездам, которые правят нашим миром.

– Вы уверены, господин? – Вислоусый быстро и недоверчиво взглянул на хозяина.

– Если говорю, значит, уверен. Я узнал об этом из надежного, из самого надежного источника. Она появилась – и я хочу, чтобы вы принесли мне ее.

– Где она? – спросил вислоусый и снова взял свой стакан: наверное, от этой новости у него пересохло в горле.

– Она у женщины. У русской женщины, которая приехала сюда ненадолго. Вам нужно поспешить. У вас неделя, даже меньше. Думаю, это будет несложно. Вы найдете эту женщину и заберете ее...

– Что за женщина?

– Вот эта. – Хозяин положил на стол тонкую пластиковую папку и вытряхнул из нее несколько фотографий. – Вы видите, что с ней не будет сложностей.

– Что делать с самой женщиной?

– Что за вопросы ты задаешь! – Хозяин поморщился. – Конечно, не нужно ее убивать, если без этого можно обойтись. Зачем нам лишние хлопоты и внимание полиции?

– Но если без этого не удастся?

– Я начинаю думать, что зря связался с вами! Может, мне стоит поискать других исполнителей, более толковых?

– Нет, господин, что вы! – испугался вислоусый. – Мы справимся, мы все сделаем как надо.

– Надеюсь.

Вислоусый протянул руку к пластиковой папке, но хозяин его остановил:

– Не надо. Еще раз посмотрите на фотографии и запомните ее. Снимки я уничтожу.

– Хорошо, господин. – Вислоусый внимательно взгляделся в фотографии, кивнул. – Я запомнил.

– Запомни еще одно: вы должны принести мне ее. Ошибки я не прощу.

– Не беспокойтесь, – вислоусый поднялся, – мы принесем вам то, что нужно. Дело очень простое.

– Возможно, оно и простое, – покачал хозяин головой, – но отнеситесь к нему со всей серьезностью. У вас не так много времени. И помните: у вас нет права на ошибку!

Вислоусый взглянул в его удивительно бледные глаза и попятился: в этот чудесный летний день на него повеяло арктическим холодом.

– Всего двадцать сестерциев, добрый господин. – Деций Крисп почтительно склонился перед надменным толстяком с завитой и надушенной бородой.

Тот запыхтел недовольно:

– Что так дорого?

– Это вовсе не дорого, добрый господин. Двадцать сестерциев за лучшие места во втором ряду на северной трибуне – цена скромная, поверьте мне. Вам все будет прекрасно видно, и вы не будете мучиться от жары.

Толстяк все еще колебался, и Деций Крисп использовал самый сильный аргумент:

– Вы будете сидеть рядом с самим Марком Лицинием Мамуррой!

– Ты не врешь? – Толстяк взглянул на Деция исподлобья. В глазах его читалось недоверие.

– Клянусь Венерой Либетиной! – Деций ударил себя кулаком в грудь и придал лицу выражение сугубой честности. – Спросите кого угодно, я честный человек!

– Ладно, пусть будет по-твоему. – Толстяк поморщился, как будто у него болели зубы, и отсчитал двадцать монет.

Деций облегченно вздохнул, проводил толстяка к заранее занятым местам и отправился восвояси.

Сегодня у него удачный день: удалось заработать целых пятьдесят сестерциев. Правда, двадцать из них придется отдать подельнику, служителю Большого цирка Марку по прозвищу Кузнечик. Тот честно отработал свои деньги, придерживая для Деция самые лучшие места.

Деций был цирковым жучком. Перед гладиаторскими играми или конными состязаниями он заранее занимал несколько мест на трибунах Большого цирка, чтобы потом, перед самым представлением, продать их богачам вроде этого

толстяка, которым не хотелось приходить в цирк заранее.

Работа циркового жучка не так проста, как кажется. Ему приходится просыпаться ни свет ни заря и по темным улицам спешить к Большому цирку, чтобы первым занять лучшие места. Нужно быть знатоком человеческой натуры, чтобы после эти места выгодно продать. Вот этот толстый отпущенник ни за что не заплатил бы двадцать сестерциев, если бы Деций не сыграл на его тщеславии – не упомянул Марка Лициния Мамурра. Весь Рим знает этого богатого и влиятельного человека, и отпущеннику, конечно, будет лестно оказаться с ним рядом на трибуне. Потом он станет хвастать этим соседством перед своими приятелями.

Деций нашел Марка Кузнечика, отсчитал его долю и задержался ненадолго поболтать о вчерашних состязаниях. Возничий зеленых пришел первым, и Деций чувствовал себя именинником. Он всегда болел за зеленых и даже иногда ставил на них небольшие суммы.

Да, кажется, в последние дни фортуна ему улыбается!

Покончив с делами, Деций отправился на собственное местечко под трибуной, тесное и неудобное. Отсюда, однако, было отлично видно все, что происходит на арене.

Цирк был полон. Больше ста тысяч человек разместилось на скамьях и трибунах в ожидании излюбленного зрелища. На лучших местах расположились патриции и всадники, торговцы, откупщики и менялы, знатные иностранцы и богатые вольноотпущенники. Их яркие одежды переливались всеми цветами радуги, голоса сливались в немолчный шум, подобный гулу морского прибоя.

Между рядами зрителей сновали разносчики еды и напитков, предлагая жареные бобы и лепешки, сласти и пироги, а еще дешевое тускуланское вино, которое они без зазрения совести именовали фалернским. Простолюдины закусывали захваченной из дому провизией – так выходило дешевле.

Все обсуждали вчерашние конные состязания и сегодняшние игры. Здесь и там со знанием дела звучало, что ожидается сперва битва гладиаторов с дикими животными, для которой устроители игр привезли из Африки двадцать львов и сорок леопардов. Потом прошел слух, что помимо африканских хищников на

арену выпускают какого-то невиданного зверя.

Деций Крисп, как всякий умный человек, больше слушал, чем болтал языком. В его деле лишнее знание никогда не помешает. В невиданного зверя он, правда, не очень поверил: всю свою жизнь он посещает гладиаторские бои и звериные травли в Большом цирке и Фламиниевом амфитеатре и перевидал всех зверей, какие водятся в необъятной империи.

На этой арене бывали и черногривые львы из Нубии, и леопарды из Нумидии, и быстроногие гепарды из Парфии, и свирепые тигры из далекой Гиркании, и огромные дикие кабаны из Галлии и Британии, и медведи из Германии.

Иногда на арену выпускали боевых слонов из некогда могущественного Карфагена, а однажды, в год консульства Публия Сервилия Ватия и Аппия Клавдия Пульхра, из дальних африканских земель привезли носорога. Этот зверь и правда был диковинным, не похожим ни на одно создание, какое римлянам доводилось видеть. Он долго не хотел сражаться, а когда его все же разозлили, проломил ограждение и бросился на зрителей. Прежде чем с ним покончили, он успел затоптать и растерзать своим рогом не меньше пятидесяти человек, и устроителю игр пришлось изрядно раскошелиться, чтобы замять скандал.

Шум постепенно стихал.

Наконец распорядитель игр выехал из триумфальных ворот и проехал по арене на богато украшенной колеснице, запряженной четверкой белоснежных лошадей. Остановившись перед консульской трибуной, он приветствовал почтившего игры своим присутствием консула Луция Септимия Транквилла и взмахом белого шелкового платка подал сигнал к началу игр.

Едва колесница распорядителя скрылась за триумфальными воротами, как распахнулись ворота на другом конце арены и из них выбежали дикие звери.

Это были львы и леопарды.

Деций Крисп невольно усмехнулся: конечно, слухи о каком-то невиданном звере оказались преувеличенными. Всего лишь львы и леопарды, каких этот цирк видел много раз.

Хищники с непривычной робостью двигались по арене. Их пугали незнакомая обстановка, человеческое море на трибунах, гул тысяч голосов. Показной свирепостью они пытались заглушить свой страх и поэтому сейчас рычали и огрызались друг на друга. Огромный нумидийский лев прыгнул к леопарду, замахнулся на него лапой, но тот грациозно отскочил, сверкнув пастью в ответ.

Снова распахнулись триумфальные ворота и выпустили отряд конных воинов, точнее, охотников, которых в дар сенату прислал африканский царь Абурта. Темнокожие всадники, облаченные в яркие плащи и легкие кожаные панцири и вооруженные короткими копьями с широкими наконечниками, выстроились полукругом, издали дружный вопль и помчались на зверей.

Деций Крисп не очень любил звериные травли. Исход их был всегда предсказуем: опытные охотники, объединив усилия, без особого труда справлялись с растерянными, напуганными непривычной обстановкой животными. Правда, однажды лев все же свалил коня и растерзал его незадачливого всадника, вызвав одобрителный гул на трибунах. Тут же к непокорному зверю подлетел другой темнокожий всадник, приподнялся, сжав коленями бока лошади, и вонзил копье под лопатку. Лев захрипел, огромные лапы задергались, из раны хлынула темная кровь, и все было кончено.

Но на этот раз все закончилось уже через час без особых происшествий. Убитых животных утащили служители, уцелевшие охотники объехали арену по кругу и покинули ее под нестройные одобрителные возгласы.

Но гораздо громче сегодня звучали другие крики.

– Где же обещанный невиданный зверь? Где чудовище, какого мы еще не видели?

Вдруг в цирке наступила тишина.

Ворота снова распахнулись, и на арену вышло ужасное, невиданное создание.

Это была, судя по всему, собака, но такая огромная, каких прежде в Вечном городе не видели. В Вечном городе, где видели все, что существует на свете. В Вечном городе, который, казалось, ничем нельзя удивить.

Черная, как ночь, большая, как африканский лев, с такой же широкой, как у льва, грудной клеткой, она уверенно шла на коротких мощных лапах, и казалось, что арена Большого цирка сотрясается под ее поступью. На крепкой шее гордо сидела огромная голова со страшными, смертоносными челюстями.

В римских легионах были специальные боевые собаки, такие большие и сильные, что они могли одним прыжком свалить лошадь. Но рядом с этим чудовищным псом собаки легионеров показались бы жалкими комнатными собачками – такими, как те, что носят с собой знатные матроны.

Одно слово пронеслось по трибунам Большого цирка, одно имя:

– Цербер!

И правда, этот невиданный пес напоминал чудовищного трехголового пса, охраняющего выход из царства мертвых. Зверя, который следит за тем, чтобы ни один обитатель этого царства не смог вернуться наверх, к живым. Вот только в отличие от Цербера у этого чудовища была одна голова.

Страшного пса вели на двух цепях могучие рабы, но они с трудом удерживали его. Пес был разъярен – это было видно и по яростному блеску его глаз, и по тому, как он хлестал по бокам своим длинным хвостом, похожим на огромную змею.

И только один человек во всем Большом цирке смотрел на невиданного зверя не с ужасом и отвращением, а с удивлением, сочувствием и симпатией. Только один человек проговорил вполголоса другое имя. Не Цербер, а Тинус.

Это был Деций Крисп.

Потому что только он знал, что это за зверь.

Когда Вита возвращалась с пляжа поздним утром, на нее налетела хорошенькая блондинка с круглыми голубыми глазами.

– Здравствуйте! – затараторила она по-русски с едва уловимым акцентом. – Не хотите совершить увлекательную лодочную прогулку на Остров?

Блондинка махнула в сторону моря, где вдалеке, почти на выходе из залива в Адриатику, виднелась круглая каменная гора. Это был Остров со старой крепостью, то ли турецкой, то ли венецианской. Вита уже слышала, что там интересно.

– Понимаете, группа сформирована, не хватает одного человека, – тараторила блондинка, – и лодка отплывает через час. Мы бы вам сделали скидку десять процентов.

– Двадцать, – почти автоматически сказала Вита, и по тому, как блондинка радостно закивала, поняла, что мало попросила. Можно было получить и больше.

Лодка отплывала через час, Вита едва успела заскочить домой переодеться. Филимона, к счастью, не было, и мусор в гостиной не валялся, видно, грубиян-сосед тоже решил использовать эти несколько дней для полноценного отдыха. И хорошо, что остатки еды выбросил, а то муравьи набегают на всякую помойку, потом их не выведешь никакими силами.

Ее уже ждали. На борту было десять человек: капитан, он же матрос по имени Милан (они все здесь или Миланы, или Душаны), Миляна, экскурсовод, и семеро пассажиров, Вита восьмая. Две толстые тетки в цветастых брючных костюмах, семейная пара средних лет, белобрысый мужчина с красной обветренной физиономией, не то финн, не то швед, молодая женщина с очень светлой кожей. Стоп, а это кто? Здравсте, давно не виделись!

Последним пассажиром был Филимон. Сегодня на нем оказались длинные шорты в мелкую клеточку и черная футболка с большим ярким попугаем. Просто какая-то патологическая тяга к этим птицам.

Как видно, Филимон разглядел ее издали, поэтому сейчас только хрюкнул и дернул плечом. Вита сделала вид, что они вообще не знакомы. Вот уж повезло так повезло.

Море было спокойным, дул легкий ветерок, Вита села подальше от Филимона и твердо решила получить как можно больше удовольствия от поездки.

Сквозь прозрачную бирюзу моря проглядывало дно. Лодка обогнула мыс, ветер стал сильнее, их закачало. Вита всегда спокойно переносила качку, даже в самолете никаких таблеток не принимала, а вот девушка рядом с ней поморщилась и перебралась на нос лодки. Но там не было тента, так что кожа у нее на глазах становилась красной.

– Девушка, вы сгорите, – сказала одна из толстых теток, – нужно чем-то прикрыть плечи.

Та растерянно развела руками: ничего с собой не взяла.

– Возьмите мое парео, – неожиданно предложила Вита и сняла с плеч серебристо-сиреневый кусок легкой ткани.

Парео это она купила перед поездкой, подобрала к новому купальнику. Купальник был двухцветный, все как полагается по моде этого сезона, и парео очень к нему подходило. Перед большим зеркалом Вита сказала себе, что очень неплохо будет смотреться на пляже, Глебу понравится.

Ага, размечталась.

– А вы? – слабо спросила девушка.

Плечи у нее были красными, а лицо, наоборот, очень бледным, с зеленоватым отливом, видно, ей всерьез досаждала морская болезнь. Зачем тогда согласилась на эту экскурсию?

– Да берите, я кремом намазалась, и вообще солнце хорошо переношу.

– Возьму, если не жалко.

«Да пропади оно совсем».

Вита подумала о Глебе.

Лодка ткнулась носом в берег. Милан ловко перескочил на причал, подтянул их к чугунной чушке (кажется, она называется кнехт, вспомнила Вита), затянул канат, подал руку одной из толстых теток. Та опасливо перешагнула на причал, ахая и испуганно округляя глаза, в последний момент покачнулась, вскрикнула, но Милан галантно придержал ее за талию. Тетка довольно зарумянилась.

Блондинка Миляна горной козочкой перескочила на каменистый берег.

Филимон перебрался сам: Милан подал было руку, но Филимон гордо отверг помощь. Правда, перебираясь на причал, он покачнулся, едва не потерял равновесие, но удержался. После этого он сам встал на краю причала и протянул руку, предлагая помощь оставшимся в лодке женщинам.

Вторая толстуха радостно воспользовалась предложением, вскарабкалась на борт лодки, хотела было шагнуть на причал, но тут лодку сильно качнуло волной (или она накренилась от собственного веса толстухи), тетка испуганно взвизгнула и едва не свалилась. Филимон оказался на высоте: поддержал, помог перейти на твердую землю. Надо же, хоть на что-то сгодился.

Вита была следующей. Чуть помедлив, Филимон галантно протянул ей руку, но она отмахнулась и сама перепрыгнула на берег. Отчего-то она подумала, что руки у него потные и будет очень противно к ним прикасаться. Ей вообще не хотелось с ним общаться, даже рядом стоять – и то трудно.

От пирса к стене крепости вела крутая каменистая тропинка. Сбоку на каменистом склоне двое загорелых до черноты мальчишек разводили костер.

Миляна бодро вышагивала по этой тропинке, махала рукой отстающим и оживленно щебетала:

– Здесь, на Острове, уже две тысячи лет назад существовали римские укрепления. Потом в пятнадцатом веке на их развалинах турки выстроили крепость. На вершине холма стояли пушки, которые простреливали весь залив, так что мимо Острова не мог пройти ни один корабль. Тем не менее столетие спустя Остров отбили венецианцы и полностью перестроили крепость.

Тропинка подошла к пересохшему крепостному рву, через который был переброшен деревянный мостик. На другой стороне рва виднелась высокая арка

ворот, украшенная изящной каменной резьбой. Над воротами был высечен рыцарский щит: геральдический лев положил тяжелую лапу на раскрытую каменную книгу и какая-то длинная надпись по-итальянски.

Группа вслед за Миляной втянулась в ворота и оказалась в пыльном, заросшем густой травой дворе.

– Пойдемте сюда! – бойко щебетала Миляна, показывая на широкие каменные ступени, ведущие вверх, к круглой башне с зубчатыми бойницами по краю. – Наверху сохранились венецианские пушки. Оттуда открывается замечательный вид на залив. Можно увидеть Западный форт, расположенный в Хорватии, и развалины испанской крепости пятнадцатого века.

Филимон крутился вокруг Миляны, заглядывал ей в глаза, что-то спрашивал, и Вите немедленно расхотелось идти вместе со всеми. Она увидела узкую каменную лесенку, высеченную в стене с другой стороны двора, и подошла к ней.

На нижней ступеньке этой лесенки притаилась крупная изумрудно-зеленая ящерица с гребнем на спине – должно быть, дальняя родственница или подруга той, что жила во дворе Витино дома. Ящерица обернулась, взглянула на Виту неожиданно яркими янтарными глазами и побежала вверх по ступенькам, словно приглашая гостью следовать за собой.

Янтарный взгляд ящерицы решил дело: Вита не смогла устоять. Оглянувшись на своих спутников, она осторожно полезла по узкой лесенке.

Каменная лесенка поднялась вдоль стены метров на пять и оборвалась возле резного балкончика все с тем же геральдическим львом. Вита осторожно шагнула на этот балкончик. В стене за ним она увидела узкий стрельчатый проем.

Ящерица, грациозно изогнувшись, юркнула в этот проем. Вита последовала за ней.

Пройдя сквозь стену, она оказалась на узком каменном карнизе, который нависал над крепостным двором, таким же пыльным и заросшим травой, как первый. Знакомая ящерица бежала влево по этому карнизу. В какой-то момент

она остановилась и бросила через плечо янтарный взгляд: «Ты здесь? Идешь за мной? Тогда не отставай, нас ждет впереди много интересного».

Вита неуверенно двинулась за ней.

Карниз был узкий, с неровно осыпавшимся, ненадежным краем. Его почти целиком оплетала камнеломка, усыпанная мелкими голубыми цветами. Казалось, только ее зеленые побеги не дают ему окончательно развалиться. Внизу темнели камни двора, заросшие буйными сорняками. Если упасть с этого карниза – насмерть, наверное, не разобьешься, но ноги переломаешь.

Но главное – куда он ведет?

Вита подняла глаза и увидела, что карниз упирается в узкую дверь, которая ведет в круглую башню. Ладно, раз уж она сюда пошла, нужно посмотреть, что там, внутри.

Она сделала несколько шагов и вдруг увидела, что карниз перед ней совсем разрушен. Часть его, может быть, полметра, а то и метр, осыпалась, под ногами зияла пустота.

Хотя дальше, за этим разрушенным участком, карниз продолжался. Там, на другой стороне пролома, сейчас сидела знакомая изумрудная ящерица и с любопытством смотрела на Виту своими загадочными глазами. Казалось, она говорила: «Что же ты? Не трусь, не робей, осталось совсем немного!»

– Нет уж, дальше я не пойду, даже не проси! – Вита ответила ей вслух: никого же, кроме них двоих, здесь нет. – Не знаю, как ты перебралась на ту сторону, а у меня это точно не получится. Может, у тебя на лапах присоски, но у меня-то их нет. И крыльев тоже нет.

Ящерица в ответ сделала нечто совершенно удивительное: скользнула назад, к краю обрушенного карниза, и переползла на выступающий чуть ниже камень посередине пролома. На секунду задержалась на этом камне, снова развернулась и поползла по той части карниза, что вела прямо к башне с дверью. Показала Вите: вот как можно пройти, следуй за мной и не пожалеешь.

– Ни за что, – проговорила Вита, но ноги уже несли ее вперед. Трясаясь от страха, она шагнула на неустойчивый камень. Показалось, что он качнулся, но она уже сделала следующий шаг и снова была на карнизе.

Вита перевела дыхание и взглянула вперед, на свою неугомонную провожатую.

Та уже подползала к двери башни.

– Раз уж я дошла сюда, глупо останавливаться в самом конце.

С этими словами Вита решительно преодолела последние метры, подошла к двери и вошла внутрь.

Она оказалась в узкой круглой башне. Все внутреннее пространство занимала каменная винтовая лестница, круто уходящая вверх и вниз.

Оглядев ступени, Вита увидела наверху знакомую ящерицу.

Это решило дело. Она полезла наверх.

Ступеньки были крутыми и неровными, стертymi ногами сотен людей, карабкавшихся здесь на протяжении сотен лет. Интересно, кто это был? Турки? Венецианцы?

Вита поднималась выше и выше, сердце тяжело билось в груди. В стене через каждые десять-пятнадцать шагов открывались узкие бойницы, через которые проглядывало небо.

Вита устала, хотела уже остановиться передохнуть, но тут увидела, что лестница обрывается и заканчивается круглой комнатой с четырьмя стрельчатыми окнами.

Она подошла к одному окну и задохнулась – таким синим было небо, таким просоленным – ветер, таким лазоревым – море. Перед ней была Адриатика, бирюзовый простор, густо исчерченный барашками волн. Вдалеке по водной глади скользил одинокий парус.

Вита перебежала к другому окну. За ним была широкая полоса залива, ограниченная каменистым мысом, на конце которого виднелись руины старинной крепости и зубцы башен.

Перешла к третьему окну. Там тоже зеленел залив, а за ним – выгоревший зеленый склон восточного мыса, каменные зубья скал и лепящиеся к склону пастушьи хижины. На блекло-зеленом склоне можно было разглядеть темные точки – овец или коз.

Вот, наконец, и четвертое окно, и за ним, за чашей бухты, – белый город, уступами сбегаящий к морю. Серая громада старой крепости и белоснежные яхты у пирса казались отсюда крошечными детскими игрушками.

Да, сюда стоило подняться ради такого вида. Вита поискала глазами ящерицу, словно хотела на самом деле поблагодарить ее.

Но ящерицы нигде не было видно.

Вита еще раз обошла комнату, выглядывая во все окна, впитывая окружающий простор.

На этот раз она высовывалась как можно дальше и разглядела Остров, башни и казематы и даже своих спутников. Отсюда, сверху, они казались совсем маленькими.

Вдруг внизу, там, откуда она только что пришла, раздался скрип.

Что это было? Вита прислушалась, потом громко крикнула:

– Эй, кто там?

Никто не ответил.

Ладно, так или иначе, пора спускаться. Она и так провела здесь много времени.

Вита ступила на лестницу.

Спускаться было труднее, чем подниматься, – ноги скользили по вытертым ступеням, она боялась сорваться и придерживалась за выступы стен. Один поворот, другой, третий. Она не помнила, сколько таких поворотов было, когда она поднималась, но сейчас казалось, что спуск должен уже закончиться.

Наконец Вита увидела дверь.

Только теперь эта дверь была закрыта.

Вот какой звук она услышала сверху! Видно, дверь захлопнуло сквозняком.

Вита подошла к двери, толкнула ее.

Дверь не открывалась.

Так, только не паниковать!..

Старая дверь, наверное, просто разбухла от влажности, поэтому и не открывается. Но если ее закрыло порывом ветра, открыть наверняка будет не трудно.

Вита перевела дыхание, собралась с силами, уперлась в дверь плечом и навалилась на нее всем телом.

Проклятая дверь не шелохнулась. Не сдвинулась ни на миллиметр. Приходилось признать неприятный, но очевидный факт – дверь была заперта.

Но кто, черт возьми, мог ее запереть? И самое главное – зачем?

Чья-то дурацкая шутка? Ох, увидела бы она этого шутника!..

«Не паниковать, только не паниковать», – напоминала себе Вита. Но ничего не могла с собой поделать: паника нарастала в душе, подступала, как вода во время прилива.

А может, это не глупый шутник? Может, смотритель музея увидел открытую дверь, решил, что это непорядок, и запер ее, чтобы случайный турист не забрался в башню и не переломал ноги?

Хотя здесь и помимо этой башни опасных мест хватает, и никто их не закрывает. Здесь вообще легко относятся к опасности. И потом, кажется, здесь, на Острове, нет никакого смотрителя.

Если бы был музей, с них взяли бы деньги за вход, а так лодки причаливают сами по себе.

Вита прижалась щекой к двери, прислушалась.

Показалось, что за дверью слышен какой-то шорох. Что это, звук осыпающихся с карниза камешков? Она вслушалась еще внимательнее. Ей почудилось или по ту сторону двери кто-то действительно стоит и с трудом сдерживает дыхание?

- Эй, кто там? - спросила она негромко.

Разумеется, никто не ответил. Но шорох за дверью стал громче, отчетливее.

- Кто там? - повторила Вита уже громче и с раздражением. - Прекратите эти дурацкие шутки! Это совсем не смешно! Откройте дверь, вы слышите?

Снова никто не ответил, но шорох за дверью изменился. Вита поняла, что этот человек - если там действительно есть человек - удаляется. Потом раздался еще один, уже по-настоящему громкий звук - наверное, с карниза сорвался крупный камень, прокатился по склону и упал на заросшие травой плиты двора.

И наступила тишина.

Да что же это творится!

Это переходит уже всякие пределы. Приличные люди так не шутят.

А что, если это не шутка?

Но что тогда?

Вита почувствовала озноб. Кстати, ничего удивительного: несмотря на жару снаружи, в каменной башне было холодно, а на ней только легкая маечка и короткие брюки, даже парео осталось у той девчонки. От древних стен исходил сырой холод. Холод склепа, холод могилы...

Так, теперь в голову полезли мрачные мысли.

Гнать их, гнать!

В конце концов, прежде чем уехать с Острова, Милан и Миляна пересчитают пассажиров, заметят ее отсутствие и отправятся на поиски. А крепость не такая большая, и она, Вита, не иголка в стоге сена. Рано или поздно ее найдут.

Если, конечно, станут искать.

Вита успела послушаться от случайных знакомых о легендарном черногорском легкомыслии. Милан и Миляна могут попросту забыть о ней. Одним туристом больше, одним меньше... Деньги за поездку они уже получили.

Не паниковать, только не паниковать! В любых экстремальных ситуациях главные неприятности случаются с теми, кто впадает в панику и теряет самообладание. Нужно взять себя в руки, трезво оценить ситуацию, и разумный выход обязательно найдется. Он просто не может не найтись!

Вита досчитала до десяти, стараясь дышать медленно и глубоко. Потом еще до десяти.

В эту минуту она вспомнила, что у нее есть мобильный телефон.

Как она могла забыть! Слава богу, не в каменном веке живем.

Вита радостно полезла в сумку. Только бы не разрядился! Сейчас она лихорадочно пыталась вспомнить, когда в последний раз ставила мобильник на подзарядку.

Но нет, дисплей жизнерадостно светится, и индикатор показывает высокий уровень заряда. Уф, значит, на этот раз она все сделала правильно.

Вита принялась тыкать пальцами в кнопки.

И тут же лицо вытянулось от разочарования: заряд-то был, вот только сигнала сети не было. Конечно, кому придет в голову ставить вышку сети на этом Острове, куда люди заплывают от случая к случаю. А до вышек на берегу слишком далеко.

Вита чуть не заплакала от обиды.

Нет, она не может раскиснуть и сдаться! Думать, думать, думать.

Почти сразу в голову пришла здравая мысль.

С чего вдруг она впала в панику? Почему решила, что дверь, которую запер какой-то злой шутник или законченный идиот, – единственный выход из башни?

Она же сама видела, что винтовая лестница идет от двери не только вверх. По ней можно спуститься, и там наверняка имеется еще один выход, более удобный, чем тот, через который она вошла. Там не придется карабкаться по полуразрушенной лестнице!

Вита не могла понять, почему такая простая мысль осенила ее только сейчас. Она могла объяснить это разве что тем, что в ее характере было что-то от кошки, а кошки от любой опасности убегают вверх – взбираются на дерево, на чердак, на крышу. Путь вверх кажется кошкам самым естественным. Это потом уже, когда опасность миновала, выясняется, что такая кошечка не может самостоятельно спуститься с крутой крыши или высоченной сосны...

Все, больше она не позволит кошачьим инстинктам одолеть собственный разум.

Вита решительно зашагала вниз по каменной лестнице.

Правда, очень скоро ей пришлось сбавить скорость: каменные ступени были неровными, стертymi за сотни лет, скользкими от сырости. Не говоря уже о том,

что спускаться по горному склону или по крутой лестнице всегда труднее, чем подниматься.

В довершение ко всему с каждым поворотом лестницы в башне становилось все темнее.

В верхней части башни через каждые несколько метров были бойницы, а здесь, внизу, ее окружали только глухие стены. Сначала сверху еще проникал неяркий свет, но после третьего или четвертого поворота стало так темно, что Вита едва могла различать ступени. Уже через минуту ей пришлось находить их на ощупь.

Она надеялась, что спуск будет не очень долгим. Лестница должна вот-вот закончиться и привести ее к выходу. Ведь вход, через который она попала в башню, не так уж высоко – никак не больше десяти – двенадцати метров над землей.

Но Вита все спускалась и спускалась, винтовая лестница делала оборот за оборотом и никак не заканчивалась, а уходила все глубже в темноту.

Ясно, что она уже в подземелье крепости. Стало так темно, что ступени впереди терялись во мраке. Чтобы разглядеть их, пришлось достать мобильный телефон и включить подсветку.

Бледный голубоватый свет осветил сырые стены и уходящие вниз ступени.

Хоть какая-то польза от этого телефона. Хорошо, что она не забыла его зарядить.

И тут она, наконец, увидела, что лестница заканчивается.

Однако ее ждало новое разочарование. Вита рассчитывала, что внизу она найдет выход наружу, но нет, лестница привела ее к уходящему во тьму коридору с каменным сводом.

Свет ее мобильного мог выхватить из темноты только кусок сырой каменной стены, крутой свод потолка или каменный пол, на котором то здесь, то там темнели лужи и виднелись пятна плесени. Вдруг в пятне света мелькнуло что-то

живое, прошуршало и скрылось – Вите показалось, что это была крупная многоножка или скорпион.

Ее передернуло – от страха или от озноба? Но другого выхода не было, и она пошла вперед.

Телефон по-прежнему освещал только небольшой участок коридора. Что было дальше, за этим кругом бледного голубоватого света, можно было только гадать. Ей не хотелось даже думать, что она станет делать, когда заряд мобильного закончится и она останется в полной темноте.

Но пока свет был, Вита шагала вперед, отгоняя прочь мрачные мысли. Она внушала себе, что этот коридор рано или поздно должен куда-то привести, должен вывести к свету и к людям.

Но нет, коридор привел ее к закрытой двери.

Вита едва не застонала от отчаяния.

Спуститься с таким трудом по каменной лестнице, едва не переломать ноги, пробираться в темноте по сырому подземному коридору – и все только для того, чтобы упереться еще в одну запертую дверь!.. Вот уж невезение.

Только не впадать в панику, напомнила она себе. Только не терять контроль.

Взять себя в руки, осмотреться, оценить ситуацию, принять разумное решение.

Первым делом она осмотрела дверь.

В отличие от той наверху, которую запер кто-то неизвестный, эта дверь была трухлявой, насквозь прогнившей от времени и от сырости, вся в щелях, трещинах и разводах плесени.

Что ж, уже легче.

Как ни противно это было делать, Вита пнула трухлявую дверь ногой и проломила ее насквозь, как мокрый картон.

Еще удар, еще.

Через несколько минут в двери образовался пролом, достаточный, чтобы в него мог пролезть взрослый человек. Тем более такая стройная девушка, как Вита.

Конечно, неизвестно, что ее ждет за этой дверью, но не стоять же на месте. Вита собрала в кулак всю свою волю, пригнулась – и вот она уже по ту сторону двери. За шиворот попало что-то холодное и влажное, Вита вздрогнула... Нет, это всего лишь кусок гнилой древесины, который она вытащила из-за воротника.

Теперь она выпрямилась и снова посветила мобильным.

Насколько позволял судить скудный свет, она оказалась в круглом помещении с высоким сводчатым потолком, скрывающимся в темноте. Почти все пространство здесь занимали какие-то каменные обломки. Странно, но эти обломки не были навалены кое-как, бесформенной грудой, как бывает в разрушенных строениях. Нет, куски камня здесь были сложены ровными рядами.

Вита подошла ближе, чтобы лучше осмотреть камень.

Это были обломки мраморных колонн, части капителей, фрагменты мраморных фризов с изображением античных богов и суровых воинов в доспехах. Кое-где по ровной мраморной поверхности тянулись латинские надписи.

Вита вспомнила, что говорила Миляна: за тысячу лет до того, как здесь появилась крепость, на этом месте были выстроены древнеримские укрепления. Наверное, эти обломки и есть то, что от них осталось.

Это было интересно, но сейчас ее гораздо больше занимало, как выбраться из подземелья на солнечный свет.

Но один из обломков все-таки привлек ее внимание.

Вита посветила на этот кусок мраморной плиты и поняла, что ее так заинтересовало.

В углу плиты была высечена звериная морда. Лев, как над входом в крепость? Нет, это не лев, это какое-то другое существо с грозно оскаленной пастью.

Точно такое же существо было на ее новой застёжке. На той самой бронзовой фибуле из антикварного магазинчика, похожего на пещеру Аладдина.

Она услышала от продавца незнакомое слово и вчера посмотрела в интернете, что оно значит. Фибула – застёжка, которой скрепляли полы римского плаща. Сейчас эта фибула лежала у нее в сумке, но Вита и так знала, что на ней точно такое же изображение.

На мраморе рядом с этим свирепым созданием было высечено несколько слов, наверное, по-латыни. Вита не удержалась и сфотографировала загадочную плиту на телефон. Когда выберется отсюда, она обязательно прочтет, что здесь написано.

Подсветка телефона на секунду погасла, и Вита снова оказалась в непроницаемой темноте.

Хотя нет, не в такой уж непроницаемой. В дальнем конце помещения виднелось бледное пятно света.

Свет! Значит, там должен быть выход на свободу. Вита уже забыла о римских древностях, о звериной маске на плите. Сейчас ее занимало только одно – как можно быстрее очутиться там, на свету.

Она рванула так быстро, что с размаху споткнулась о какой-то камень и растянулась на земле. И тут же ее накрыла темнота.

Неизвестно, сколько времени она так пролежала, скорее всего, несколько минут, потому что окончательно замерзнуть она не успела. Вита пришла в себя и осознала, что лежит на сыром каменном полу. В бок впивались острые обломки, еще один обломок царапал руку. Телефон погас.

Очень осторожно Вита ощупала себя. Крови нет, руки и ноги целы. Она приподняла голову и обернулась. Впереди мелькало светлое пятно.

Кажется, она ничего не сломала и даже не сильно ушиблась. Вита с трудом поднялась на ноги, отряхнула с коленей грязь и снова включила телефон, чтобы осветить дорогу.

Первый раз она упала довольно удачно, но вряд ли и дальше ей будет так везти.

Неудобство заключалось в том, что при свете телефона она не видела тот призрачный свет в конце подземелья, на который нужно идти.

Главное сейчас – не паниковать. Она должна действовать обдуманно, рассчитывать каждый следующий шаг.

Вита выключила телефон и снова увидела бледное пятно света в дальнем углу. Она запомнила направление, представив себе циферблат часов: бледный свет был на месте цифры одиннадцать. Кажется, у моряков это называется азимутом.

Она снова включила телефон, осветила пол пещеры, заваленный обломками, и медленно двинулась в нужном направлении. Стоило ей засомневаться, как она снова выключила подсветку. Пятно света стало немного ярче, и она двинулась вперед, освещая дорогу телефоном.

Вита еще дважды повторила эту операцию, пока, наконец, не оказалась у противоположной стены. Теперь она могла рассмотреть, откуда исходил свет.

Перед ней был вырубленный в стене наклонный проход, поднимавшийся вверх под углом примерно тридцать градусов. И там, наверху, был явно виден солнечный свет. Больше того, из прохода тянуло свежим воздухом, в котором чувствовались запахи нагретой солнцем земли и моря.

В этом проходе были высечены ступеньки, и Вита, не раздумывая, стала подниматься – к свету, к свободе, к людям.

Подъем занял совсем немного времени, уже через несколько минут каменная лестница оборвалась.

Но до конца ее злоключений, видно, еще далеко.

Лестница упиралась в стену, сложенную из массивных каменных блоков. Правда, в стене виднелось квадратное окошко, вполне достаточное, чтобы в него мог пролезть взрослый человек. Именно через это окошко в подземелье проникал свет, к которому Вита так стремилась. Окошко выходило в один из внутренних дворов крепости, через него можно было разглядеть древние, поросшие камнеломкой стены, мрачный каземат и усыпанное незрелыми плодами фиговое дерево.

Да, разглядеть, и не более того, потому что окошко оказалось забрано решеткой из толстых металлических прутьев.

Вита чуть не расплакалась.

Столько трудов, и все впустую. Ее бросили, и она так и останется здесь, пока не умрет от голода. Будет бродить по этим подземельям, издавая вопли. В старых замках всегда водятся привидения, чтобы пугать туристов.

Вита представила, как Филимон идет по каменному коридору, а она тихонько подкрадывается сзади и хватает его за шею холодными костлявыми руками.

Она почти воочию увидела его лицо, перекошенное от ужаса, и широко разинутый в крике рот. Стало не то чтобы весело, но немного полегчало.

Не паниковать, напомнила она себе, не опускать руки. Ни в коем случае не сдаваться!

Она придвинула к окну валявшийся рядом каменный обломок и залезла на него.

Теперь она могла разглядеть весь двор.

Невероятно, но по этому двору шел человек!

И не просто человек, а ее злополучный сосед Филимон. Вот помяни черта, а он тут как тут. Филимон был во всей своей красе – с растрепанными рыжими волосами, недовольной веснушчатой физиономией и обгорелым на солнце носом. Мятая грязно-белая кепка была по-идиотски надета козырьком назад.

Пожалуй, это был последний человек, которого Вита хотела бы сейчас видеть. Но выбрать в ее положении не приходилось, и она закричала что было сил:

– Филимон!

От пережитых волнений, а может, от сырости и холода голос охрип, так что вместо громкого крика вышло какое-то кудахтанье. Хотя Филимон, кажется, что-то услышал и завертел головой.

Вита откашлялась и крикнула еще раз:

– Филимон!

На этот раз получилось лучше. Он поднял голову и удивленно уставился на нее:

– Это вы? А что вы там делаете?

– Загораю, – процедила она сквозь зубы. Нет, что за манера у людей задавать глупейшие вопросы!

– Загораете? – удивленно переспросил он, и его белесые брови поползли вверх.

Кажется, он не уловил в ее ответе ни малейшей иронии. Вряд ли он вообще способен различать такие нюансы.

– Слушайте, не задавайте дурацких вопросов, если не хотите получить дурацкий ответ, – огрызнулась Вита. – Лучше помогите мне отсюда выбраться!

Филимон захолопал бесцветными ресницами, переваривая ее слова. Вид у него был – глупее некуда. Хотя, надо отдать ему должное, через минуту он все же собрался, тяжело вздохнул и подошел к стене Витинового каземата.

Окно было метрах в пяти над землей, так что Филимону пришлось запрокинуть голову, чтобы спросить:

– А как вы туда попали?

– Филимон, может, мы это обсудим позднее, в более подходящей обстановке, а сейчас вы все-таки поможете мне выбраться?

Он больше ни о чем не стал спрашивать. Довольно ловко он вскарабкался по стене и оказался прямо перед Витой по ту сторону решетки. Впервые она увидела его лицо так близко и с удивлением вынуждена была признать, что глаза у него вовсе не такие маленькие, какими казались. Наверное, до сих пор он просто все время жмурился от яркого черногорского солнца. Или от злости.

– Отодвиньтесь! – велел он.

Вита хотела ответить очередной резкостью, но передумала. В его голосе и в лице была какая-то строгая решительность, с которой спорить не стоило. Она спрыгнула с каменного обломка, на котором стояла, и смотрела теперь снизу вверх на то, что он делал.

А он принялся бить камнем по одному из прутьев решетки.

Оказывается, перед тем как вскарабкаться на стену, Филимон прихватил увесистый каменный обломок.

Теперь Вита поняла, почему он велел ей отодвинуться: при каждом ударе во все стороны летели каменные и цементные крошки, и если бы она осталась у окна, они попали бы ей прямо в глаза.

Сперва его действия казались ей бессмысленными. Нет, точнее так: она просто в него не верила. Но вот после нескольких сильных ударов железный прут зашатался. Филимон ударил по нему еще и еще раз, а дальше просто вытащил его и бросил вниз. И тут же принялся колотить по соседнему пруту.

Через несколько минут он вытащил третий ржавый прут и окликнул Виту:

– Попробуйте, теперь сможете пролезть? Если не получится, я выбью еще один.

Вита снова залезла на каменный обломок, подтянулась, сколько хватило сил, просунула голову в окошко. Голова прошла свободно, и она вспомнила любимую андерсеновскую сказку «Калоши счастья». Там герой застрял в заборе: голова

пролезла, а все остальное нет. Но нет, ей повезло гораздо больше, чем герою сказки, – она просунула вперед руку, Филимон потянул ее на себя, и вот через минуту она уже пролезла в окно до половины, до талии. В таком положении она немного задержалась, чтобы передохнуть и собраться с силами.

Правда, тут же Вита представила, как смешно и глупо она выглядит со стороны: свесилась из окна и размахивает руками. Она рассердилась на себя и сделала еще усилие, чтобы выбраться.

Она уже почти целиком протиснулась в окно, когда Филимон схватил ее за плечи:

– Осторожно, не сорвитесь! Здесь высоко.

С его помощью Вита, наконец, перебралась на узкий каменный карниз, который шел по стене под самым окном.

Она перевела дыхание. После сырого и мрачного подземелья воздух показался свежим и благоуханным, как в райском саду. Вита собралась уже поблагодарить Филимона, как вдруг почувствовала, что каменный карниз осыпается, уходит из-под ног...

Еще мгновение – и она рухнула бы с пятиметровой высоты на каменные плиты двора, но Филимон успел схватить ее за талию. Несколько бесконечно долгих секунд он удерживал ее на весу. Еще усилие – и он сумел втащить ее на уцелевшую часть карниза и придать ей более-менее устойчивое положение.

– Спа... спасибо, – с трудом выдохнула Вита.

Сердце колотилось от испуга и от напряжения.

Только сейчас она осознала, что Филимон все еще обнимает ее за талию. Она строго взглянула на него, и он немедленно убрал руку, хмыкнув, как ей показалось, с насмешкой.

– Спасибо, – повторила Вита, только чтобы проявить элементарную вежливость.

– Рано благодарить, – отмахнулся Филимон. – Сперва нужно спуститься, а это не так просто.

Это действительно оказалось непросто.

Филимон спускался по стене шаг за шагом, перебирался с одного каменного выступа на другой и ей помогал сделать то же самое.

Несколько мучительных минут, и вот наконец Вита почувствовала под ногами твердую землю.

Кто бы мог подумать, что стоять на ровной каменной плите – такое наслаждение! Какое же счастье: наконец она на земле, под открытым небом, а не под сырыми каменными сводами. Не нужно больше карабкаться по стенам, не нужно брести, спотыкаясь, по мрачному подземелью... Да, надолго она запомнит эту экскурсию!

– Спасибо. – Вита тепло, как могла, посмотрела на своего спасителя. – Если бы не ты, не знаю, что бы со мной было.

Она и сама не заметила, как вырвалось это «ты». Но это прозвучало уместно и даже естественно, и Филимон ответил ей тем же:

– А все-таки как ты туда попала?

– Ой, я зашла в другой двор, поднялась в башню, потом спустилась и попала в подземелье. Потом долго по нему блуждала, пока не оказалась возле этого окошка...

– А выйти обратно тем же путем, каким вошла, не получилось?

Вита хотела было рассказать Филимону, как кто-то запер дверь башни, когда она была внутри, но что-то ее остановило. Сейчас не захотелось говорить об этом.

Филимон, видно, что-то почувствовал и не стал настаивать. В кои-то веки проявил деликатность.

Он потоптался на месте и сказал, глядя в пол:

- Знаешь, я должен тебе сказать... понимаешь... это насчет вчерашнего...

Вита подумала, что сейчас он захочет кое-что прояснить, обсудить с ней все, что случилось с ними. Ведь каким-то образом они оказались в одной квартире, и его знакомая не появилась, как и ее приятель, то есть ситуация сходная.

- Ну так что?

- Извини, что я так себя вел! - выпалил он. - Сам не знаю, что на меня нашло, обычно я с женщинами вежлив. Не подумай, что я такой законченный хам.

«Это он про то, как меня толкнул», - поняла Вита.

- И все? - удивилась она.

- Все, - твердо ответил он, - и хватит об этом.

Так, значит, обсуждать свою личную жизнь он с ней не намерен. Что ж, Вите и самой этого не хочется.

- Все так все. - Она пожала плечами и пошла вперед по тропинке, не оглядываясь.

- Слушай, а можно тебя попросить об одной вещи? - сказал он ей вслед.

- После того, что ты для меня сделал, - о чем угодно!

Произнеся эти слова, Вита прикусила язык: кто его знает, о чем он попросит?

Однако Филимон не попросил ничего невозможного. Его просьба оказалась скромной.

– Пожалуйста, не называй меня Филимоном! Я ужасно не люблю свое имя... ну, по крайней мере, полное!

– Пожалуйста. – Вита усмехнулась. – Я и сама свое полное имя ненавижу. Постарались предки...

По странной аналогии она вспомнила о своей внешности. Наверняка вся растрепалась и перемазалась, пока блуждала по башням и подземельям...

Открыла сумочку, достала зеркало – и ахнула: все было даже хуже, чем она могла вообразить. Отвернувшись от Филимона, принялась торопливо приводить себя в порядок.

Между делом заметила в зеркале отражение Филимона... он смотрел на нее, и в этом взгляде было что-то такое, чего она никак не понимала. Какой-то странный интерес, но не мужской. Да какой уж тут интерес, когда она выглядит форменным чучелом! Грязная вся, как чума, да еще и синяк на шее! Было бы на что смотреть!

Впрочем, Филимон, то есть Фил, как он просил его называть, тут же отвел глаза. Да, может, ей все показалось?

Вита еще раз оглядела себя в зеркале, поправила волосы и спрятала зеркало в сумку.

– Интересно, где все остальные? – спохватился Филимон, взглянув на часы. – Нас, наверное, уже потеряли...

И тут из соседнего двора раздался истошный вопль, многократно размноженный крепостными стенами.

– Господи, что там случилось? – вскрикнула Вита.

Филимон уже бежал на крик.

«А он прирожденный спасатель, – ревниво подумала Вита, догоняя соседа, – его хлебом не корми, только бы кого-нибудь спасти! Ему бы в МЧС работать».

Они пробежали через полуразрушенную каменную арку и оказались в очередном дворе, с трех сторон окруженном мрачными крепостными постройками, а с четвертой – наружной стеной крепости.

В этом дворе столпилась вся их группа. Все окружили что-то лежащее на земле. Кто-то громко ахал, кто-то рыдал.

– Что случилось? – крикнул Филимон, подбегая к толпе.

Люди расступились... и Вита задохнулась.

На какую-то безумную долю секунды ей показалось, что она увидела саму себя, лежащую на выщербленных временем каменных плитах крепостного двора.

Завязанные в хвост светлые волосы, плечи, покрытые блекло-сиреневым платком... точнее, не платком, а парео. Тем самым парео, которое она купила перед поездкой.

Вита вспомнила, как покупала это парео в магазине на Владимирской площади, как подбирала его по цвету к купальнику... Радовалась еще, дура, что Глебу понравится.

И тут же вспомнила, как дала его той светленькой девушке в группе, когда увидела, как та ужасно обгорела.

– Что... что с ней? – спросила Вита, протолкавшись к неподвижному телу, наклонившись над ним.

Девушка лежала лицом вниз, на плитах вокруг ее головы растекалась темно-красная лужа. Светлые волосы тоже были густо измазаны темно-красным.

– Упала, наверное, откуда-то... – неуверенно проговорила одна из толстых теток.

– Откуда здесь можно упасть? – возразил ей пожилой мужчина в широкополой шляпе. Этот вообще непонятно откуда взялся, его не было в их группе.

Вита оглянулась по сторонам. И правда, в этом дворе не было ни лестниц, ни балконов, ни открытых окон. И потом, вряд ли девушка полезла бы на балкон или на карниз, это Виту бес попутал. Точнее, ящерка позвала.

– А тогда... тогда что же с ней случилось? – испуганно пролепетала толстуха и прикрыла рукой рот, словно боясь того, что может сорваться с ее языка.

– Она хоть жива? – спросил Филимон, с беспокойством оглядев присутствующих.

У всех на языке вертелся тот же вопрос – но никто не решался проверить. Швед тыкал пальцами в клавиатуру своего мобильного и бормотал какие-то ругательства – Вита-то знала, что сигнала тут нет. Пара супругов стояла в сторонке, муж заботливо обнимал жену, это ее истерические рыдания слышны были из соседнего двора, размноженные крепостными стенами.

Тут из-за угла появилась вторая толстуха, подошла решительно, растолкала всех:

– Отойдите, я врач, дайте мне посмотреть! Да отойдите же, вы заслоняете свет!

Все послушно отодвинулись. Толстуха – впрочем, теперь ее совсем не хотелось так называть – с неожиданной ловкостью опустилась на колени рядом с неподвижным телом, прижала пальцы к шее, прислушалась, потом осторожно перевернула девушку на спину, прижалась щекой к груди, застыла на минуту. Наконец выпрямилась, оглядела присутствующих и проговорила деловито:

– Жива, но нужно срочно везти ее в больницу. Чем быстрее довезем, тем больше шансов спасти ее.

– Все-таки, что же с ней? – спросила вторая – или, точнее, первая толстуха.

– Черепно-мозговая травма, – сухо ответила врач. – Сами видите, голова сильно разбита.

Толстуха попятилась, испуганно округлила рот и оглянулась, как будто за спиной у нее прятался кто-то неизвестный и опасный. Впрочем, всем остальным тоже стало как-то неуютно.

Во дворе появились Милан с Миляной. Они уже тащили какие-то доски. К ним тут же присоединился Филимон (нет, точно ему нужно в МЧС работать!). Совместными усилиями они соорудили из досок носилки, осторожно, под присмотром врача, положили на них раненую, понесли к лодке.

Вита плелась в хвосте группы. Сегодняшние приключения здорово измотали ее, да еще это потрясение под конец... ничего себе отдохнула, прокатилась по морю! Ей захотелось пить, она вытащила из сумки пластиковую бутылку с водой...

То есть пластиковую бутылку, в которой когда-то была вода. Сейчас в ней не было ни капли. И это – Вите самой стало неудобно за такой грубый каламбур – стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения.

Ну за что ей это все? Сначала ее обманул Глеб, она оказалась в одной квартире с этим чокнутым Филимоном, потом какой-то жестокий шутник запер ее в башне...

Вита споткнулась на каменистой тропинке и увидела прямо перед собой изумрудную ящерицу. Может быть, ту самую, которая завела ее в ту злополучную башню. Ящерица взглянула на девушку своими янтарными глазами... и в душе Виты что-то сместилось. Она почувствовала свежий и соленый запах моря, запах жаркого полдня, запах диких цветов, увидела бледно-голубые цветочки камнеломки, усыпавшие склон, услышала ровное дыхание моря и поняла, что все не так плохо и, во всяком случае, ей все-таки больше повезло, чем той несчастной девушке, которую несли впереди на носилках...

Вита снова взглянула на нее.

Люди с носилками шли по деревянному мостику. Отсюда безжизненное тело было хорошо видно, и Вита снова почувствовала болезненный укол в сердце. Ей снова, как тогда, в крепостном дворе, показалось, что она видит саму себя, что это она лежит на носилках, неподвижная, прикрытая сиреневым парео. Только теперь парео было в крови.

И вдруг в голове у нее шевельнулась тревожная мысль.

Если ей кажется, что эта девушка похожа на нее, то и кому-то другому могло так же показаться. Но тогда... тогда выходит, что удар, доставшийся этой несчастной девушке, изначально предназначался вовсе не ей...

Вита не успела додумать эту мысль до конца, потому что к ней подошла нелепая толстуха. В руке у нее была какая-то луковица с прилипшими к ней комками земли.

- Это ведь луковица нарцисса? - спросила тетка неуверенно.

- Не знаю. - Вита пожала плечами. - Я в цветах не разбираюсь.

- А я точно говорю - это нарцисс! - повторила тетка. - И они тут прямо под ногами валяются! Это же надо... нужно набрать, пока мы отсюда не уехали.

- Ну и набирайте, - Вита пожала плечами, - а я-то при чем? Что вы у меня спрашиваете?

Толстуха обиженно поджала губы и отошла.

Группа в напряженном молчании вышла на берег, Милан с помощниками осторожно занесли в лодку носилки с раненой, потом расселись все остальные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-aleksandrova/zolotaya-bulavka-yuliya-cezarya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)